

Александр Русов

Меня зовут Мария Александровна Русова.

Папа мой умер, когда мне было восемнадцать, от рака лёгкого. Не курил, на вредном производстве не работал. Дышал солёным морским воздухом – сначала на кораблях Северного Флота, а потом в Ленинграде. Но всегда мечтал о тёплых морях, поэтому, видимо, таскал меня по Крыму и Кавказу в школьные каникулы.

Наверное, из Мурманска и Ленинграда у меня невосприимчивость к холоду. Здесь, на юго-западе Германии соседки смеются надо мной, что я всегда первая по весне хожу по улице в футболке. Куртки я зимой всегда забываю в машине – они мне не нужны. Я люблю Север, и мне скучно на пляжах экзотических южных курортов и безлюдных островов. Когда я таскаю за собой в зимние каникулы сына в Петербург, мои односельчане шепчутся за спиной: хоть бы ребёнка пожалела!

Помню колышашуюся дугу северного сияния, помню папу в шинели, далеко-далеко внизу, под окнами нашего дома, контуры его уже почти расплылись в пурге на сопках. Помню, как матросы носили меня, трёхлетнюю, с палубы на палубу по крутым лестницам на руках и как я обедала в офицерском камбузе. И ещё помню, как за отплывающим кораблём с нами на борту бесконечно долго бежит по кромке берега и лает, уменьшается и всё тише скулит, но не уходит, наша лайка Альма. Её не удержала соседка, которой мы её оставили. Папа в расцвете лет бросил офицерскую карьеру, чтобы я получила хорошее образование, и мы тогда навсегда покидали Кольский полуостров и уезжали в Ленинград.

А мама у меня, слава богу, жива-здоровая, полна энергии и даже ещё – в 72 года ! – работает. Она приехала навестить меня и мою семью в Германии, когда я уже прижилась в нашей деревне. Все триста жителей деревни меня к тому времени знали, как белую ворону, и конечно, по-деревенски выглядывали из окон, чтобы поглазеть на мою маму. Позже мне кое-кто признался, что такой они мою русскую маму не ожидали увидеть. И я это понимаю. Моя мама явилась не сгорбленной старушкой с повязанным платочком и не замирала открыв рот, обалдев от такой европейской красоты, порядка и изобилия. Гордая, подтянутая, без единого седого волоска в когда-то рыжей, а теперь золотистой шевелюре, мама по-прежнему не забывала о лёгком неброском макияже, да и то только потому, что у неё ресницы очень светлые. Ходила со мной на пешеходные прогулки на пол-дня, представляла мне с почти театральной эмоциональностью и искренней увлечённостью привезённые книги-новинки, рассказывала мне о нашем круге родных и знакомых, а я ловила себя на мысли, что это сплошные академики, профессора, хирурги-звёзды, кандидаты педагогических наук – одним словом тот слой общества, что в России называется «интеллигенцией» (в других языках такого слова и понятия нет, надо переводить, описывая феномен). Что бы сказали мои односельчане, если бы они понимали наши разговоры?

Но я маскируюсь, не выдаю себя, свою истинную суть. Это моя тактика – маскируйся, но делай своё дело. Поэтому когда фрау Венцель мне сказала, что в моём возрасте у неё уже было шесть детей, я ей не ответила, что в моём возрасте моя мама была уже главврачом огромного медицинского учреждения, а тётя в моём возрасте уже была известным в северной Российской столице хирургом, она даже упоминается в книге академика Углова.

Вообще, между маскировкой и самоутверждением очень трудно балансировать. Ведь всё-таки хочется, чтобы тебя не принимали за кого-то другого.

Помню, в соседнем доме, который сдаётся крепким хозяином-немцем за хорошие деньги отделу по работе с беженцами и переселенцами, заселили на время новых переселенцев – семью то ли из Татарстана, то ли из Казахстана. Здесь они делали то же, что и на своей родине: мужик повисал на целый день на заборе, благо как раз тот дом стоит у самой дороги и перед ним выстроен небольшой заборчик, чего вообще-то на большинстве немецких участков нет, и тарачился с папиросой во рту на происходящее вокруг. А мать большого семейства в платочке на голове показывалась на улице, только когда «по воду» шла, то есть делала небольшие закупки у подъезжающего к дому торговца на колёсах. Дети, которых мне не удалось сосчитать, метушились вокруг дома без дела и без смысла, мешая медитированию отца и получая то и дело подзатыльники, что с криком и руганью переносило действующих лиц с площадки перед домом в дом.

Однажды я попросила одну из своих новых приятельниц-немок Гудрун довести меня до ближайшего города (у меня тогда ещё не было европейских водительских прав). Видимо, чтобы сделать нашу совместную поездку более приятной, Гудрун обогатила наше общение вопросом: «А сколько вас здесь?» Я не поняла.

«Ну, вас, русских!»

«Я одна, моя мама в Санкт-Петербурге.»

«А-а-а, а я думала всё время, что ты из этой семьи, из дома с переселенцами.»

Она немного обиделась, потому что я надолго остолбенела и больше не поддавалась на развлекающий разговор. Меня шокировало, что немцы не считают в моём лице, облике, походке моё воспитание вблизи с царскими садами и парками, мои уроки музыки и танца в Аничковом дворце, мою бабушку благородных дворянских кровей, моего отца – офицера. Я для них – одна из тех, что поселились в доме для беженцев.

Наверное, так же для европейцев китайцы или чернокожие все – на одно лицо.

Кстати, когда я закончила немецкую автошколу и получала заново водительские права, мне хотелось – дурацкая ностальгия – оставить себе на память корочку своего русского водительского удостоверения. Всё равно оно перечёркнуто и недействительно, а мне было тепло вспоминать о нашей сплочённой весёлой группе в питерской автошколе и о моём инструкторе, в которого я была немного влюблена. На мою просьбу оставить мне моё старое удостоверение руководитель немецкой автошколы ответил: «Зачем это Вам? Вы всё равно его купили. Хотите снова продать, что ли?»

И без прав плохо, и с правами. В любом случае пришилият меня к какой-нибудь социальной – или асоциальной – группе, которая мне незнакома и чужда, а им знакома и ассоциируется с Россией.

Телефонный звонок. Подхожу к телефону.
«Да. Мария. Слушаю Вас.»
«Мария! Здравствуй! Я – Александр Русов.»

Молчание, туннель, темнота, стремительный полёт в этом туннеле куда-то далеко, лет на 25 назад. У папы вскрыли грудь в надежде вырезать очаги рака и закрыли, не дотронувшись до него. Жене посоветовали сказать ему, что операция прошла удачно. Последний раз я гуляла с папой в парке Сокольники в Москве (далеко от морей, может, поэтому и означало для него это переселение смерть?), куда он переехал после того, как его брак с моей мамой распался. Папа всё присаживался на скамейку, я не успевала притормозить, шла своим уверенным молодым шагом дальше и не видела, как папа смахивает усталую слезу своим большим, в несколько раз свёрнутым платком. Папа меня на вокзал не провожал, а его жена проводила и сказала, что папа болен раком. Своей маме я об этом не сообщила, поэтому новость о его смерти ударила её неожиданно и больно. На похороны маму не пустили, она прождала меня весь день в ГУМе. Я своими глазами видела, как деревянный крест с именем Александр Русов воткнули в свежую могилу.

... «Мария!?» Ожидание по ту сторону телефонной линии.
Кто-то сморозил неудачную шутку, назвавшись моим отцом?
Если бы не его голос, я бы сказала парню:
«Знаешь что, а я ведь могу проследить, с какого телефона ты звонишь и привлечь тебя к ответственности за хулиганство!»
Но голос, голос... Завораживающий и родной.
Так я когда-то по голосу себе мужа выбрала. Так получилось, что мы с моим будущим мужем встретились сначала по телефону, и я потеряла себя в его глубоком, бархатном, уже любимом голосе.
Парень прервал паузу. «Мария, да я твой брат.»
«???»
«Двоюродный брат. Ты меня не знаешь. Я родился после смерти твоего отца и мой папа назвал меня в честь своего брата.»

Я смутно припомнила дошедшую до меня когда-то историю. У матери с братом отца отношения были напряжённые, после смерти отца контакт совсем прекратился.
«Мария, я сейчас в Германии и хотел бы с тобой познакомиться.»

Саша учился в Самаре на факультете психологии и вызвался работать в течение года волонтером в Берлине, санитаром в реабилитационном центре с инвалидами. Судя по тому, как работу ребят там оплачивали, был это хитрый ход государственных учреждений в стране, где социальная помощь оказывается людям по принципу «спасение утопающих – это дело самих утопающих». Молодых ребят приглашали делать работу, которую немцы делать не хотят, и обещали за это практически только комнату в общежитии, питание и новый жизненный опыт. Саша, побуждённый благородными стремлениями, с хорошим чувством совершённого доброго дела помощи немощным, тяжело переживал столкновения со своим немецким куратором, который держал волонтеров за рабов и представлял точку зрения: «Говорите спасибо, что у вас есть право здесь жить и работать».

Денег у Саши практически не было. Первый раз он приехал ко мне из Берлина автостопом, а пол-года спустя ещё раз, со своей старшей сестрой Женей, на взятой на прокат машине. Женя сидела 9 часов за рулём, ехала по незнакомой стране, чтобы познакомиться со мной, с кузиной. Они привезли мне в подарок самарские пряники, панорамный снимок Самары, сделанный с Волги, и ещё один удивительный подарок: монтаж фотографий наших общих предков.

Я впервые погрузилась в лицо моего деда Русова Георгия Васильевича, который работал инженером-мелиоратором, а в годы войны инженером оборонных сооружений. С фотографии на меня смотрят вдумчивые глаза, чуть-чуть нахмуренные и сдвинувшиеся к переносице. Но хмурятся они не по-настоящему, а как у детей, когда те изображают печаль: вот-вот вырвется улыбка. Усики над тонкой верхней губой, зачёсанные назад волосы. Костюм, галстук; спинка тяжёлого кресла, как трона, возвышается почти до макушки головы. Я чувствую его энергию, молодость, точно он вот-вот легко оттолкнётся от ручек кресла, встанет и пойдёт быстро и решительно, как это делали мой папа и папа моих двоюродных Саши и Жени.

А портрет нашего прадедушки – священника Русова Василия Ивановича ещё живописней. Лицо крупное, с огромного лба волосы, по плечи, также убраны назад, борода окружает красивый сомкнутый рот. Прадед сидит в пол-оборота, голова решительно повёрнута к зрителю, глаза ищут контакт со мной - через столетие. Василий Иванович умер в 1938 году в тюремной больнице г. Орша. В то время он находился под обвинением в проведении антисоветской агитации, направленной на срыв мероприятий Советской власти. В итоге его осудили по статье «контрреволюционная пропаганда». В 2008 году постановлением президиума Могилевского областного суда решение от 1938 года было отменено, по причине отсутствия состава преступления. Этим постановлением он признан жертвой политических репрессий и реабилитирован.

На фотографии я вижу и свою бабушку Симу – единственную из старшего поколения по отцовской линии, которую я встретила при жизни. Помню, как меня родители оставляли летом в Самаре, как бабушка гуляла со мной по набережной Волги, я любила сама из автоматов покупать газированную воду за 3 копейки, снова и снова замороженная её шипением и бурлением. А ещё мне запомнились слоны, которых водили по улицам города между выступлениями цирка.

Саша Русов и не подозревал, что ему удалось восстановить, запаклевать, выходить наше родовое дерево, которое дало трещину и почти прекратило жизнь из-за непрощённых обид, слов сгоряча и уходов навсегда.

Хоть и стою сегодня в чужом саду, ко мне снова поступает живительный сок из моих собственных глубоких корней. Отвалите, лесорубы и дровосеки. Не вострите своих пил и топоров. Я живу. Я снова сильная и гибкая. Брешь затянулась, зажила. Складочки-чешуйки моей коры расправились и осветились, я выпрямилась, встряхнула густой кроной. Почка мои набухли. Чужая мошкора уже вьётся вокруг меня, интересуется, чужа зарождающийся аромат моих цветов. Пусть вьётся! А потом я оденусь совсем ярко, вызывающе и принесу плоды.

Автор: Лада Рёлль
Декабрь 2008